Глава 3: Карманные часы, Граф и Марионетка IV

Кое-кто ждал владельца комнаты, чтобы поприветствовать его.

- Добро пожаловать домой.

Он безупречно склонился под прямым углом. Это был дворецкий. Мужчина тридцати лет с настолько тёмными зелёными волосами, что если не присматриваться они казались чёрными.

Дворецкий перевёл взгляд со стоящего перед ним правителя королевства Грейсис, Солейла, на спящего у него на руках принца.

- Я только вернулся с прогулки. Прости, что прошу о таком, но можешь подготовить кровать? Ещё нужно связаться Мерией. Она сейчас, скорее всего, в ужасе.

- Как скажете, - ответил дворецкий и немедленно застелил кровать. Солейл сегодня не смыкал глаз, долго тянуть с этим было нельзя, тем более ждать, пока придут служанки.

После того, как дворецкий покинул спальню, Солейл взглянул ему вслед и положил сына на кровать, укрыв его одеялом. Утерев ему слёзы, он погладил его по голове. Каждый его шаг был наполнен любовью.

Не издавая и звука, он вышел из комнаты. Как только за спиной закрылась дверь, Солейл глубоко вздохнул.

«Возможно, я слишком рано поведал ему эту историю»

«День, когда я должен был рассказать ему обо всём, рано или поздно наступил бы»

Солейл готовился к нему. Он был готов. Но он не думал, что этот день наступит так скоро.

- … Солейл, ты всё ему рассказал?

Услышав вздох короля, дворецкий, до сих пор сдерживающийся, взволнованно спросил короля. Дворецкий на самом деле переживал за самого короля. Он был его единственным верным другом. Ещё с самого детства, он был единственным человеком, которому Солейл мог довериться полностью.

- Ты проверил окрестности? – друг посмотрел на Солейла непроницаемым взглядом. Солейл кивнул.

- Да, я более или менее всё проверил, барьеров не было. Да и, в общем-то, трудно предположить, что кто-то собирается обсуждать подобное с трёхлетним ребёнком.

- Ты прав. Всё же, кто бы мог подумать, что первым из принцев, кто узнает правду, будет самый младший. Это весьма неожиданно.

Дворецкий ожидал, что кто-то из принцев или принцесс рано или поздно поймут, что происходит, и спросят обо всём у короля. Но ни король, ни дворецкий, даже помыслить не могли, что раньше всех придёт седьмой принц.

Они думали, что первый принц заявится к ним, соответственно, первым, и то через пару лет.

Солейл считал, что если дети спросят его об этом, он должен рассказать им всю правду. Это его долг как короля и их отца. Что бы не случилось: отказались бы они от королевской власти, отказались бы от дворянского титула и стали обычными свободными людьми… или даже встали бы на сторону кукловода, это их выбор.

- К слову, Херше немного отличается от своих братьев.

Он рос как все, пока ему не исполнился год. С того момента он почти никогда не плакал.

Вместо этого его взгляд стал осмысленным. Он всё время наблюдал. Также он начал пытаться стать самостоятельнее: он сам переодевался, сам ел.

Можно подумать, что это детский каприз, «я сам!», но он выделялся ещё и послушностью. Он не терял над собой контроль, не злился. Он контролировал свои эмоции как взрослый человек. На сколько Солейл помнил, Хершерик раньше всех начал стремиться к самостоятельности и контролировать себя.

К тому же, встретив Хершерика, он почувствовал в нём какое-то стеснение или смущение. Он уже решил, что сын ненавидит его. Но после разговора с Мерией он узнал, что это не так.

Это было не то чтобы сдержанностью, а скорее он просто был не балованным. Однако Хершерик, придя просить об освобождении графа Люцерии, без преувеличения раскрыл его истинные чувства и правду.

- Но ему всего три года. Ты не мог придумать что-нибудь?

Или, если более прямо, - «Ты должен был придумать что-нибудь другое». Дворецкий сказал это своим взглядом. Всё же принц был слишком мал для этой информации.

- Я просто не мог. Только не тогда, когда на меня смотрели эти глазами.

Солейл задумался, как бы мог его обмануть. Седьмой принц действительно был слишком маленьким. Возможно, даже не сказав правды, ему бы всё-таки удалось всё сгладить и отложить.

Но король смотрел в эти прямолинейные глаза, наливающиеся слезами, и понимал, что обмануть их так просто не выйдет. Более того, сказав всю правду о том, что всего лишь марионетка и не может спасти Люцерию никоим образом, он мог отвадить принца от его просьбы.

- Какой сегодня график?

- После завтрака встреча с министром Барбассе. Обсуждение ситуации с графом.

- Понял.

Солейл снова глубоко вздохнул. Истинный властитель королевского замка быстро принял меры. Вероятно, он собирался как можно скорее положить всему конец, не давая королю шанса вмешаться. Нет, это всё изначально было частью плана. Всё же он такой человек.

«Я действительно не могу сделать совсем ничего?..»

С тех пор, как он стал королём, Солейл столько раз сталкивался с безысходностью. Всю ночь напролёт он пытался придумать, как спасти Люцерию, но на ум не приходило совсем ничего.

Это ясно показывало, насколько продуманной была ловушка Барбассе. Министр воспользовался жаждой мести Люцерии.

Он собирался раз и навсегда избавиться от графа Люцерии. И вину он возлагал на короля.

- Солейл, если ты мне прикажешь, я спасу графа и…

- Нет.

Король перебил своего друга детства. Это был его редкий властный и не терпящий пререканий тон.

- Но…

- Сделав это, ты станешь его следующей целью. Будет лучше, если только я буду нести это бремя.

Друг хотел продолжить, но король покачал головой.

Он мог легко освободить Люцерию и укрыть в доме вдали от королевской столицы. Но сделай он это, и вместе со своей семьёй станет следующей целью министра.

Дворецкий принадлежал к семье маркизов, но их изгнали из столицы под влиянием Барбассе. Хоть лучше уж так, чем потерять свои жизни. Те же влиятельные семьи, что восставали против Барбассе, теряли своих членов при странных несчастных случаях или болезнях. Также этим семьям трудно было сохранять свои должности. Никакой видимости причастности к этому Барбассе и в помине не было. Как бы неестественно не выглядели ситуации, никто не мог сказать слова против. Так министр управлял страной.

Максимум, на что был способен Солейл – немного сдерживать министра и его фракцию, чтобы они не увлекались. Но это не останавливает министра и в половине случаев.

Солейл смотрел на свою бессильную длань. Его собственные руки запятнали в крови даже без его участия.

Он знал, что встретив министра, он потерял свою дочь. У него не было выбора, кроме как осознать это. Осознать, что единственный, кто может защитить его семью от этого зверя, это он сам.

- … Можешь презирать меня сколько угодно, Люк.

Солейл впервые за долгое время назвал своего друга детства по имени. Они с самого детства были вместе. У них была одна и та же няня, и воспитывали их одинаково.

Его друг детства, которого тогда считали слабаком, горько рассмеялся.

- Я погрязну в самых глубинах тьмы вместе с тобой, Солейл.

Он сказал это не как главный дворецкий короля, а как его друг.

***

Чувство ностальгии плотно пропитывало всё вокруг.

Хершерик… Нет, Хаякава Рёко знала, что это сон.

Её тело ощущалось невесомым, а все вокруг рябило чёрно-белым, как в старом телевизоре. Однажды она где-то читала, что сны создаются на основе воспоминаний, поэтому у них нет

определённой цветовой палитры. Лишь тот, кто видит сон, определяет его цвета.

Она была у себя дома.

Сюда она переехала, когда была в начальной школе. Этот дом был построен 25 лет назад. Младшая из трёх сестёр должна была вот-вот родиться, поэтому отец вместо мамы присматривал за средней и старшей дочерями, при этом готовясь к переезду.

Когда они переехали, дом был новым, чистым, едва не сверкающим. Двадцать пять лет спустя он уже выглядел довольно старым, но для Рёко он так и оставался драгоценным.

Под мрачным светом небес люди в траурной одежде входили и выходили из ворот дома. Рядом с вратами располагалась табличка «Семья Хаякава».

«Поминки…?»

Рёко заинтересованно поплыла вперёд. Она миновала несколько родственников, чьи лица она смутно припоминала. Но, казалось, никто из них не видел её.

Пройдя мимо прихожей, она попала в гостиную. На диване сидела её племянница. Её глаза распухли от слёз. В руках у неё был носовой платок. Сидящий рядом с ней отец с тревогой посмотрел на дочь. Редко же это непослушная девчонка так близко к своему отцу, подумала Рёко.

Рёко продолжила путь. Из гостиной она попала в комнату в японском стиле, когда-то принадлежавшую её бабушке. В ней было приятнее всего при жаре, и здесь жила её бабушка, пока здоровье позволяло. Люди в чёрной траурной одежде заходили и выходили оттуда.

Рёко всё поняла, когда заглянула внутрь.

«Так вот что происходит»

В комнате кружил дым ладана. Люди, оставляющие здесь цветочные букеты, являлись членами её семьи и коллегами. Её фото поместили в рамку, а неподвижное тело лежало в открытом гробу.

«Это мои похороны?»

Всё было слишком реальным для сна.

Очень странно было смотреть на своё же бездыханное тело.

В любом случае, Рёко радовал уже тот факт, что от неё остались не одни ошмётки на капоте и дороге. По пути сюда она слышала обрывки разговоров. Похоже, тело всё-таки серьёзно пострадало, поэтому всюду было замотано бинтами. Из-за строения гроба она не могла точно сказать, так это или нет.

- Искренне соболезную вам.

- Нет, что вы, мы благодарны вам уже за то, что вы нашли время приехать.

Её мать и начальник разговаривали. В то время как отец безучастным взглядом смотрел на фотографию в рамке. Сёстры же приветствовали пришедших.

- Моя дочь не любила фотографироваться… Поэтому нам было очень трудно найти её недавние фотографии. Мы очень признательны вам за то, что вы позволили нам использовать её фото из вашей компании.

«Всё потому, что я правда ненавижу фотографироваться»

Не то чтобы она ненавидела своё лицо, но оно ей как минимум не нравилось. Ещё в начальной школе над ней издевались, нарекая «страшной ведьмой». На общих школьных фотографиях её лицо всегда выглядело больше, чем у других девочек. Поэтому, когда фото стали доступными и популярными, она совсем не была этому рада.

«Тем более, после тридцати у меня начал проглядываться второй подбородок…»

Так как в её отделе требовалось групповое фото всех сотрудников, ей пришлось присоединиться. Вот почему на фото она выглядела недовольной.

- Наша компания очень признательна госпоже Хаякава. Даже в самые трудные времена она не отказывала в помощи.

- Верно. Из филиала мы звонили ей в главный офис, чтобы консультироваться.

Это сказал региональный лидер продаж, который теперь стал выше даже начальника её отдела из главного офиса. Он очень занятой человек, поэтому Рёко удивилась, что он пришёл. Она ведь была обычным клерком, хоть и из главного офиса.

- Мисс Хаякава всегда заботилась об остальных. И, несмотря на трудность положения, она никогда никого не оставляла. В различных филиалах есть много тех, кому она помогла, а я приехал как их представитель.

«Поэтому ты звонил мне чуть ли не каждый день?..»

Воспоминания о прошлой жизни нахлынули на неё. Даже вне рабочего дня, он часто названивал, расспрашивая её о чём-нибудь.

Ей хотелось сказать: «Что бы ты там не думал, это не имеет ко мне никакого отношения! Откуда мне всё это знать!». Он спрашивал о руководителе филиала, работниках на уровне глав регионов и даже иностранных сотрудниках филиала – и все были из разных офисов!

- Ну как ты, малышка Рё? Кстати, всё хотел спросить…

Конечно, она не могла ему сказать: «Слышь, хватит меня так называть!» - человеку, который был выше её по положению, хоть он и был из другого филиала. Размышляя об этом сейчас, это больше похоже на домогательства. Но тогда она была так занята, что ей было как-то всё равно.

Когда он в очередной раз спрашивал её о чём-то, ей самой становилось интересно. Она связывалась с другими отделами, исследовала их. Так она в какой-то момент познакомилась очень со многими. Кроме того, появились люди, которые тоже стали звонить ей с просьбами о помощи.

«Ну, я не против, что на меня полагаются, так что всё в порядке»

Иногда она не понимала: кем она работает? Она помогала и рядовым сотрудникам, и главам офисов, и отделов. За всем этим она и не знала, как от её помощи росли продажи. Но после слов благодарности, ей и не нужно было это. «Я была полезна!». Она чувствовала чувство выполненного долга, и ей этого хватало.

Я хочу узнавать новое. Я хочу, чтобы во мне нуждались. Её начальство и региональные лидеры считали это проявлением добродетели, но самой ей больше кажется, что это ради чувства собственной значимости.

«Почему-то мне стыдно, что я была обычной самодовольной девчонкой, а мои начальники считают меня такой доброй, так ценят меня…»

Никто на поминках не видел беспокойства Рёко.

Её мать закрыла глаза, очень обрадовавшись.

- Это так… - она покраснела. Она выглядела очень уставшей. Словно постарела лет так на десять и осунулась в плечах.

- Рёко никогда не говорила о своей работе… Я очень рада, что она всем помогала, - сказала она, глядя на фото своей дочери.

- Она была старшей дочерью, поэтому так или иначе помогала всем в семье. Я думала, что поэтому она не могла жениться, но, судя по вашим рассказам, на работе она была счастлива.

Рёко задумалась.

Работа в её прошлой жизни была далеко не лёгкой. Случались неприятные ситуации, и даже бывали времена, когда она хотела уволиться. И всё же, она продолжала день за днём работать, и всё это благодаря её семье, начальству, коллегам.

Слова её матери и босса полностью отражали жизнь Рёко.

Она трудилась изо всех сил, занималась любимым хобби и проводила время с любимой семьёй. Хотя это всё она потеряла, она ничего не забыла. Теперь, она дорожит своей повседневной жизнью.

С точки зрения кого-то другого, её жизнь едва ли великая или прекрасная. Но для Рёко это была самая лучшая, самая дорогая, самая самая жизнь.

Открыв глаза, она увидела незнакомый потолок.

Его воспоминания перемешались, но Хершерик понял, что, скорее всего, он заснул на груди отца.

Судя по всему, он находился в комнате отца. Кровать была наивысшего качества, а наглухо зашторенный занавес не давал солнечному свету осветить комнату.

- Всё неправильно, - прошептал Хершерик, вставая. Он взглянул на свои ладони, значительно меньшие, чем были у него в прошлой жизни, и крепко сжал их в кулаки.

Это могло быть сном. Но это не меняет того, что жизнь Рёко, хоть и посредственная, была для неё лучшей. Её тяжёлый труд вознаградили.

Но что насчёт жизни в этом мире?

Те, кто поступают правильно, остаются ни с чем, а те, кто промышляют обманом и подлостью, продолжают издеваться на слабыми.

- Этот мир в корне неверный.

За два года, что он прожил в этом мире, он не сделал ничего. Сколько слёз за это время утекло? Сколько людей погибло?

Хершерик снова заплакал от своей беспомощности.

http://tl.rulate.ru/book/14743/650092